

УДК 94(470.6)»1920»

БАГДАСАРЯН Сусанна Джамилевна — к.и.н., доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского государственного университета (354000, Россия, г. Сочи, Советская ул., 26а; bsd73@mail.ru)

СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР К УСЛОВИЯМ ПОСЛЕВОЕННОЙ РАЗРУХИ (1920–1921 гг.)

Аннотация. В статье раскрываются спонтанно сформировавшиеся способы самообеспечения населения одеждой и обувью после окончания Гражданской войны, когда в условиях нарушенного порядка приобретения носильных вещей люди использовали любую возможность, чтобы как-то приодеться.

Ключевые слова: архаизация костюма, кустарное производство, обмундирование, подручные материалы, реквизиция одежды, товарный дефицит

Гражданская война, сопровождавшаяся и закончившаяся повсеместной разрухой, оказала крайне негативное влияние на снабжение деревни продукцией легкой промышленности (как и промтоварами вообще) и внесла свои коррективы в сельский костюм. По завершении войны в городах и особенно на селе, которое снабжалось промтоварами по остаточному принципу, ощущалась острейшая нехватка всего. В том числе сельские жители Советской России столкнулись с жесточайшим дефицитом предметов первой необходимости, в частности обуви и кожи для ее изготовления, пошивочных материалов (именовавшихся в то время «мануфактурой») и готовой одежды. Так, Армавирский отделеский комитет РКП(б) в отчете о проделанной работе за период с 1 по 31 января 1921 г. обоснованно указывал на выраженный дефицит «мануфактуры, кожного товара, железа и проч.» на подведомственной территории¹. В февральском отчете Армавирского отделкома компартии за тот же год вновь отмечался «недостаток топлива, мануфактуры и вообще предметов первой необходимости»².

Дефицит промтоваров вообще и одежды, обуви, пошивочных материалов в частности превращал граждан Советской России в оборванцев. Сотрудник Казачьего отдела ВЦИК А. Детистов, излагая в сентябре 1920 г. непосредственному руководству свои наблюдения во время командировки на Дон, указывал, что местное население «ходит с заплатанными локтями и ездит на неподмазанных телегах»³. В 1921 г. донской публицист Н.Ф. Погодин вторил Детистову: «...казак обносился» [Немиров 1978: 52]. И это говорилось о казаках, в массе своей более состоятельных и обеспеченных, чем иногороднее крестьянство! В крестьянских же селах Юга России дефицит одежды и обуви нередко был более острым, чем в казачьих станицах, причем эта проблема для казаков сохраняла актуальность и в первой половине 1930-х гг. [Скорик 2009а: 432].

Столкнувшись с острейшим недостатком или полным отсутствием предметов первой необходимости, южнороссийские крестьяне стремились добывать такого рода товары в первую очередь и зачастую в ущерб приобретению средств производства, т.е. скота и орудий труда (такое поведение трактуется в документах южнороссийских партийно-советских органов как «потребительский уклон»⁴, объективно препятствующий восстановлению аграрного производства). Характерно, что весной — летом 1921 г. партийные функционеры и сотрудники ЧК на Кубани фиксировали стремление хлеборобов сбывать на рынках произведенные ими сельхоз-

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 1а.

² ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 3б.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 282.

⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

продукты и на вырученные средства приобрести «предметы домашнего обихода», каковыми являлись «платье, обувь, кожа и пр.»¹. Но наличие повышенного спроса при отсутствии адекватного предложения способствовало быстрому развитию спекуляции и резкому росту цен. В итоге далеко не все южнороссийские земледельцы могли позволить себе купить носильные вещи, стремительно подорожавшие по причине непреодолимого дефицита.

В постоктябрьской советской деревне наблюдалась определенная архаизация практики изготовления одежды и обуви. Иными словами, обусловленные послевоенной разрухой нехватка промтоваров и снижение покупательной способности населения на начальном этапе нэпа вновь повысили ослабленную в пореформенный период актуальность домашнего прядения, ткачества и изготовления одежды и обуви. Нельзя не согласиться с мнением специалистов о том, что «в первые годы Советской власти нехватка товаров легкой промышленности, в том числе тканей и обуви, привела к частичному возврату домашнего (кустарного) производства одежды, ткачеству, выделке кожи и шитью обуви» [Кубанские станицы... 1967: 162]. Это мнение вполне коррелирует с утверждениями (возможно, несколько преувеличенными) современников рассматриваемой нами эпохи, согласно которым «нынче в деревнях не увидишь[ь] фабричной одежды[,] разве только у кого имеется еще старое», а так «все своя обработка»². При этом вплоть до 1930-х гг. включительно сохранялась преемственность с костюмом досоветского образца [Скорик 2009б].

Вместе с тем многие крестьяне и даже казаки Юга России были разорены и слишком бедны для того, чтобы собрать необходимое количество шерсти или льна (не говоря уже о более дефицитной коже), обработать их, изготовить из них ткань и пошить те или иные носильные вещи для себя и членов своей семьи. Поэтому сельские жители перешивали старую одежду, стараясь при этом экономить, что было еще одним признаком сложной ситуации в области материально-бытового обеспечения: например, из старой широкой юбки, состоявшей из 5–7 полотнищ-полок, шили две новых, хотя более узких и коротких [Кубанские станицы... 1967: 162]. Помимо старых гардеробов, крестьяне старались изыскивать пошивочные материалы где угодно, нисколько не смущаясь их качеством и состоянием.

Нередко в качестве пошивочных материалов использовали мешки. Самой вожаделенной добычей являлись мешки холщовые, но никто не брезговал и дерюжными (из низкосортной льняной пряжи), и рогожными, сделанными из льняной коры или волокон рогоза (отсюда и название). Так, в опубликованном в журнале «Красная нива» в 1925 г. рассказе В. Лазарева повествуется о вполне обычной во время Гражданской войны истории: банда, налетевшая на поселок с элеватором, уничтожила местных коммунистов и скрылась с зерном, а население воспользовалось безвластием и растащило со складов все, что представляло ценность в хозяйстве. В частности, «бабы тащили из элеватора мешки, рядили, кто будет шить что». Но вскоре в поселок прибыл районный продкомиссар с вооруженным отрядом, и незадачливые добытчицы поспешили избавиться от прилипшего к их рукам добра: «до места мешки нести поздно, покидали их на задворках – разбирайся, кто взял». Жена же погибшего коммуниста, заведовавшего элеватором, пришла к райпродкомиссару и потребовала один из мешков себе, чтобы сшить мужу саван. Вопреки всем запретам комиссар распорядился выдать ей три мешка, но сшила она не саван, а исподнюю рубаху и «носила [ее], как сарафан»³.

Согласно воспоминаниям очевидцев, в сентябре 1920 г. отряд Н.И. Махно налетом захватил станицу Каргинскую, после чего знаменитый «батка», стремясь привлечь к себе симпатии местных жителей, разрешил им разобрать из амбаров свезенный туда по продразверстке хлеб. Население охотно воспользовалось этим разрешением, а заодно, как и в процитированном рассказе Лебедева, растащило по домам находившиеся на складе мешки. Однако радость каргинских станичников

¹ ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 7, 18.

² *Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах* (сост. С.С. Крюкова). 2001. М.: РОССПЭН. С. 63.

³ Лазарев В. 1925. Рубаха. — *Красная нива*. № 21. С. 476-481.

была недолгой: в скором времени в станицу вошли красноармейцы, и представители советской администрации убедительно попросили казаков вернуть и хлеб, и мешки. Каргинцы со всей серьезностью отнеслись к рекомендациям большевиков и постарались все вернуть, причем «одна молодая казачка из новых холщовых мешков успела сшить нижнюю рубаху» и, «испугавшись наказания, спрятала ее в колодеце» [Сиволов 2005: 187].

В той же «Красной ниве» в 1926 г. были помещены стихи Павла Дружинина, в которых шла речь об использовании для починки одежды зеленого сукна с биллиардного стола. Героем стихотворения был старый крестьянин, одежда которого из-за послевоенной разрухи сильно обветшала: «в рубахе ластвицы и те — / До тла повыгорела краска, / Лишь вот под пуп на животе / Заплата — лягушачья ряска. / Но не поймешь, откуль она — / Сколь раз уж шупал матерьял-то: / Кабыть, от барского сукна, / А говорят — от биллиарта!»¹.

В условиях разрухи крестьяне, равно как и горожане, были способны изрезать на заплатки не только холст с картин или сукно с биллиардного стола, которые в глазах простонародья не имели вообще никакого культурного и практического значения, кроме как стать частью одежды. Обносившиеся граждане могли покуситься и на более ценные вещи, например на использовавшиеся в религиозном культе покрывала. Так, в мае 1922 г. журналист Н. Погодин освещал проходивший в Новочеркасске судебный процесс над тремя священниками Александровской церкви — дьяконом, председателем церковного совета и бывшим церковным старостой, обвинявшимися в хищении церковного имущества и ценностей. Обвиняемые упорно не желали признаваться в содеянном и, по словам Погодина, «только один подсудимый, псаломщик Горошенко, укравший [бархатное] покрывало [с престола] и сшивший из него дочери костюм, в преступлении сознался потому, что весь город видел его дочь разгуливающей по улицам в костюме с отпечатками святых крестов» [Немиров 1978: 58].

На фоне острого дефицита одежды и обуви выигрышно смотрелись представители власти и военнослужащие. Работники партийно-советского аппарата и члены их семей в случае нужды могли получить одежду и обувь, равно как и другую материальную помощь, из специальных фондов. Вместе с тем размеры централизованного снабжения были незначительными, и потому отдельные авантюристы из числа партийных функционеров и/или советских администраторов злоупотребляли своими полномочиями, потихоньку обворовывая родную власть или открыто грабя подчиненное им население. Поразительно, но собственное столкновение этих двух ментальностей — «кабинетных душ» и солдат, прошедших горнило военного противостояния, — являлось одной из причин Гражданской войны [Скорик 2001: 260], а теперь они стояли по одну сторону баррикад в насущном желании приодеться.

В данное время даже некоторые милиционеры на Дону, Кубани и Ставрополье занимались не столько охраной правопорядка, сколько улучшением своего материального положения за счет опекаемого ими населения. В частности, Г.Я. Сиволов, известный исследователь творчества М.А. Шолохова, утверждал, что в начале 1920-х гг. в милицию нередко шли «любители выпить и, конечно же, обзавестись одеждой» [Сиволов 2005: 178].

Что касается военнослужащих — красноармейцев и краснофлотцев, — то они после демобилизации возвращались в родные края в военной форме и, таким образом, на некоторое время были избавлены от необходимости обеспечивать себя одеждой. Вспоминается сюжет из одного из ранних произведений М.А. Шолохова — «Нахаленка», когда отец главного героя возвращается домой в матросском обмундировании («в черной шинели и шапке с лентами, но без козырька») и носит эту одежду и в повседневной жизни: «...под навесом отец смазывает дегтем колеса повозки. Шапка у него съехала на затылок, ленты висят, а синяя рубаха на груди в белых полосах»² [Шолохов 1987: 46, 53]. Нередко участники Гражданской войны

¹ Дружинин П. 1926. Дед. — *Красная нива*. № 4. С. 21.

² Шолохов М.А. 1987. Нахаленок. — *Из ранних рассказов*. М.: Современник. С. 46, 53.

возвращались в родные края в гораздо более пестром обмундировании, в котором сочетались предметы не только из костюмов разных родов войск, но и разных стран. Например, у М.А. Дудина так описана одежда одного из героев: «высокий буденовский шлем с красной звездой, черный бушлат и полосатая тельняшка и, бог весть где добытые, малиновые галифе, плотные обмотки на крепких, немного вывернутых икрах и желтые австрийские боты на тройной подошве с подковками, к тому же еще украшенные до блеска надраенными шпорами»¹.

Любые попытки властей каким-либо образом урезать такую привилегию демобилизованных красноармейцев, как передача им в собственность военной формы, вызывали резкое недовольство последних, и это немудрено: ведь в условиях послевоенной разрухи с порожденным ею всеобщим дефицитом указанная привилегия являлась чрезвычайно важной. А.И. Микоян вспоминал, что в начале 1920-х гг. «по порядку, установленному из центра, в связи с тем, что испытывались еще трудности, обмундирование поновее у демобилизуемых отбиралось, и красноармейцы возвращались домой в крайне изношенной одежде. Естественно, это очень их обижало и даже озлобляло» [Микоян 1975: 241]. Возглавляемый Микояном партийный комитет Юго-Востока считал нужным вмешаться в эту конфликтную ситуацию и настоятельно рекомендовал командованию Северо-Кавказского военного округа отпускать красноармейцев домой в хорошем обмундировании. Командование, закрыв глаза на требования центра, прислушалось к рекомендации регионального партруководства, что «сразу сняло много нездорового в настроениях красноармейцев» [Микоян 1975: 241].

Итак, глубокое социальное потрясение, каким для сельского населения Юга России стала Гражданская война, сформировало в его сознании инверсионную корпоративную этику [Скорик 2006: 170], когда в повседневном поведении обозначенной социальной группы не мог быть использован обычный порядок самообеспечения элементами традиционного крестьянского костюма. Помимо испытанных патриархальных средств, таких как домашнее прядение, ткачество, изготовление носильных вещей, земледельцы готовы были покупать их за немалые деньги или обменивать на сельхозпродукцию у спекулянтов-перекупщиков. Получила распространение и практика изготовления предметов одежды и обуви из сколько-нибудь годных для этого материалов: мешковины, обивки биллиардных столов, холстов с картин и пр. Сельские жители использовали любую возможность для обретения различных одеяний, стремились достать дефицитные вещи, даже преступая моральные нормы и действующие законы, лишь бы как-то приодеться, но не упуская при этом статусный характер костюма, каким он мог выступать в глазах окружающих в наличествующей социальной среде.

Список литературы

Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани (отв. ред. К.В. Чистов). 1967. М.: Наука. 356 с.

Микоян А.И. 1975. *В начале двадцатых...* М.: Политиздат. 383 с.

Немиров Ю.А. 1978. Николай Погодин – сотрудник «Трудового Дона». – *Публицисты Дона и Северного Кавказа: сборник научных работ* (отв. ред. Е.А. Корнилов). Ростов н/Д.: Изд-во РГУ. С. 51-63.

Сиволов Г. 2005. Михаил Шолохов. Страницы биографии. Главы из книги. – *Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников*. В 2 кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. (сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина). М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова. С. 149-222.

Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе: дис. ... д.филол.н.* Ростов н/Д. 351 с.

Скорик А.П. 2006. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект. – *Клио*. № 1. С. 167-176.

Скорик А.П. 2009а. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д.и.н.* Ставрополь. 540 с.

¹ Дудин М.А. 1967. *Где наша не пропадала*. Л.: Детская литература. С. 7-8.

Скорик А.П. 2009б. Костюм советских казаков на Дону в 1930-е годы. — *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 63-75.

BAGHDASARYAN Susanna Dzhamilovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Sochi State University (Sovetskaya St, 26a, Sochi, Russia, 354000; bsd73@mail.ru)

ADAPTATION OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE SOCIALIST REPUBLIC TO THE POST-WAR DEVASTATION (1920–1921)

Abstract. The author analyzes the ways that were used by the population of the South Russian regions to provide themselves with clothes and shoes after the Civil War. During that period people used any opportunity to find clothes.

Keywords: archaism of costume, handicrafts, cloths, available materials, seizure of clothing, shortage of goods

УДК 94(571.54)+(517.3)

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kalminal@gmail.com)

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна — д.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (plehanova.am@mail.ru)

МОНГОЛЬСКИЙ ФАКТОР В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОГО/ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ (1910–1920-е гг.)

Аннотация. В статье предпринята попытка оценить влияние монгольского «соседства» на структуру и темпы развития забайкальской экономики в указанный хронологический период. Стремление вовлечь Монголию в орбиту интересов Российской империи, а впоследствии и Советского государства, содействовало ускоренному экономическому развитию региона, с опозданием вступившего в полосу экономической модернизации.

Ключевые слова: Забайкалье, Монголия, Транссибирская магистраль, экономическая стратегия, экономическое, политическое и идеологическое влияние, экономическое партнерство, Кяхтинская железная дорога

Стратегическое значение Забайкалья было осознано Российской империей еще в середине XIX в. В «Записке о Китайских делах», датированной 30 августа 1862 г., формулировались задачи развития хозяйственной инфраструктуры Восточной Сибири, ориентированной на азиатские рынки. В противовес усилению британского влияния в Китае, его распространению на Дальний Восток и, возможно, на Восточную Сибирь предлагалось заселить русский Дальний Восток выходцами из европейской части страны, создать в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве угледобывающую и лесоперерабатывающую промышленность и удешевить перевозку товаров по Сибири за счет устройства новых путей сообщения [Синиченко 2000: 68]. Значимость железнодорожной магистрали как фактора укрепления престижа России на Дальнем Востоке была понятна самодержавному правительству уже тогда, когда задачи вовлечения в хозяйственный оборот прилегающих к будущей трассе территорий были еще не очень ясны [Андреева 2012: 70]. Об этом говорят и донесения военных агентов, еще до начала строительства желез-